

Некоторые экономические последствия изменения возрастной структуры населения России в условиях демографической волны

А.Л. СИНИЦА, кандидат экономических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Происходящие изменения соотношения основных социально-экономических групп населения в России (в трудоспособном возрасте, моложе и старше его) неблагоприятно сказываются на экономическом развитии страны. Цель статьи – отразить эти изменения в условиях демографической волны. Для этого используются данные официальной статистики и прогноз изменения численности населения до 2050 г. Анализ показывает, что численность и доля населения в трудоспособном возрасте сократятся, пожилых – возрастет, а детей – может как снизиться, так и возрасти. Это приведет к уменьшению числа занятых и значительному росту занятости пожилых, очень большой демографической нагрузке, снижению как уровня жизни, так и объема внутреннего рынка.

Ключевые слова: возрастная структура населения, экономическое развитие, демографическая волна, основные социально-экономические группы населения, демографический прогноз

Динамика возрастной структуры населения в России в настоящий момент неблагоприятна. Результатом Гражданской и мировой войн, не всегда удачной государственной политики и других социально-экономических процессов, повлиявших на демографические процессы почти весь XX в., стала демографическая волна, которая будет в значительной мере определять социально-экономическое развитие страны на протяжении жизни еще не менее 3–4 поколений.

Чтобы получить более полную информацию, представляющую концентрированный итог государственной политики в сфере экономики, демографии и социальных отношений, рассмотрим динамику численности населения страны по основным социально-экономическим группам (население в трудоспособном возрасте, моложе и старше).

В настоящее время демографическая ситуация в стране особенно сложная (табл. 1). Число детей растет, но оно все равно ниже, чем даже 15 лет назад. Численность населения в трудоспособном возрасте, достигнув максимума в 2005 г., тоже сокращается, причем

быстро. Очень высокими темпами растет численность населения старше трудоспособного возраста, и перспектив для улучшения ситуации нет, поскольку рождаемость находится ниже уровня простого воспроизводства, и абсолютное число рождений начнет снижаться уже в самом ближайшем будущем.

Таблица 1. Численность и доля населения моложе и старше трудоспособного возраста в 1990–2017 гг. (на начало года), тыс. чел., %

Год	Численность населения в возрасте			Доля населения в возрасте		
	моложе трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
1990	36100,90	83943,39	27620,79	24,4	56,8	18,7
1991	36052,37	84048,03	28173,36	24,3	56,7	19,0
1992	35829,66	84008,94	28676,09	24,1	56,6	19,3
1993	35364,86	83896,40	29300,44	23,8	56,5	19,7
1994	34753,13	83962,00	29640,74	23,4	56,6	20,0
1995	34252,11	84331,54	29876,29	23,1	56,8	20,1
1996	33614,41	84539,95	30137,28	22,7	57,0	20,3
1997	32787,26	84799,62	30441,74	22,1	57,3	20,6
1998	31910,27	85352,07	30539,80	21,6	57,7	20,7
1999	30876,09	86263,26	30400,07	20,9	58,5	20,6
2000	29579,76	87172,27	30138,10	20,1	59,3	20,5
2001	28387,15	88039,08	29876,66	19,4	60,2	20,4
2002	27274,11	88515,47	29859,75	18,7	60,8	20,5
2003	26115,05	89205,65	29642,95	18,0	61,5	20,4
2004	25135,87	89851,66	29346,06	17,4	62,3	20,3
2005	24349,37	90098,67	29353,00	16,9	62,7	20,4
2006	23671,03	90157,93	29407,63	16,5	62,9	20,5
2007	23072,58	90057,70	29732,41	16,2	63,0	20,8
2008	22841,91	89744,84	30160,78	16,0	62,9	21,1
2009	22854,15	89342,15	30540,90	16,0	62,6	21,4
2010	23086,25	88561,16	31186,09	16,2	62,0	21,8
2011	23209,03	87847,53	31808,87	16,2	61,5	22,3
2012	23567,59	87055,24	32433,55	16,5	60,9	22,7
2013	24110,02	86137,50	33099,54	16,8	60,1	23,1
2014	24716,69	85161,58	33788,66	17,2	59,3	23,5
2015	25689,22	85414,75	35163,33	17,6	58,4	24,0
2016	26359,56	84198,81	35986,34	18,0	57,5	24,6
2017	26894,85	83224,42	36685,11	18,3	56,7	25,0

Источник: данные Росстата.

Миграционный потенциал русскоязычного населения в странах бывшего СССР практически исчерпан, а массовое привлечение коренного населения этих стран не всегда оправданно с точки зрения безопасности страны.

Все это ведет к отрицательным последствиям: снижению абсолютного числа рождений из-за сильного сокращения числа женщин в репродуктивном возрасте, снижению численности населения в трудоспособном возрасте при росте числа пожилых людей и увеличении экономической нагрузки на работающих, снижению численности учащихся, сотрудников силовых ведомств, росту затрат на пенсионное обеспечение, падению уровня жизни и др. В этих условиях учет результатов долгосрочного прогнозирования динамики численности населения в программах социально-экономического развития может стать важнейшим инструментом для предотвращения кризиса.

Подобные изменения создают угрозу для устойчивости социально-экономического развития и безопасности страны в самом широком смысле этого слова, поскольку происходит ухудшение ситуации «с точки зрения способности к самовывживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [Сенчагов, 2002. С. 35]. Особенно актуален вопрос безопасности в условиях циклических колебаний, обусловленных демографической волной.

Предмет и метод исследования

Вопросам влияния демографических волн на социально-экономическое развитие, при всей их важности для экономики России, посвящено довольно мало работ. В основном в них исследуются частные вопросы в сфере экономики [Карпов и др., 2013], образования, [Аврашков и др, 2013], демографической безопасности [Рыбаковский, 2003], дается комплексная оценка влияния демографических волн на социально-экономическое развитие страны [Калабихина, 2009; Калабихина 2015; Рыбаковский 2012; Рыбаковский 2014]. В 1990-е годы к этой проблеме неоднократно обращались классики отечественной демографии [Кваша, 1995; Кваша 1996; Хорев 1995]. Особенности демографического развития СССР были посвящены работы, опубликованные за рубежом [Bubnova, 1986]. В зарубежной литературе проблематика демографических волн еще менее популярна [Kirk,

1949; Sternlieb et al., 1987], в исследованиях чаще всего рассматриваются длинные периоды [Турчин, 2003].

Данная работа преследует две цели. Во-первых, рассмотреть динамику численности основных социально-экономических групп населения в 1990–2017 гг. и на перспективный период до 2050 г. Это поможет понять реальную картину и причины нынешних негативных явлений. Во-вторых, будут проанализированы важнейшие угрозы для социально-экономического развития страны, ставшие следствием неблагоприятных социально-экономических изменений, и их проявления в условиях демографической волны.

Статья базируется на данных Росстата о численности основных социально-демографических групп населения до 01.01.2017 г.¹, а также прогнозов Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (под руководством В. Н. Архангельского). Прогноз Росстата о численности населения до 2035 г.² не использовался, так как охватывает относительно короткий период (менее одного поколения) и предполагает привлечение значительного числа мигрантов, что зачастую не соответствует потребностям страны. По прогнозу до 2100 г. сложно достоверно предполагать динамику численности населения, а прогноз на период менее одного поколения не позволяет заметить важные тенденции. В связи с этим в качестве верхней границы был выбран 2050 г.

Прогноз Лаборатории основан на методе передвижки возрастов. В нем предусмотрено пять вариантов: самый плохой, низкий, вероятный, высокий, супероптимистичный. В первом варианте к 2050 г. суммарный коэффициент рождаемости составит 1,2, во втором – 1,4, в третьем – 1,76, в четвертом – 1,9, в пятом – 1,97. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении при самом пессимистичном варианте останется без изменений, при низком варианте возрастет до 66,8 лет у мужчин и 77,8 у женщин, при вероятном – 73,3 у мужчин и 81,6 у женщин, при высоком варианте – 80,5 у мужчин и 86,5 у женщин и при самом благоприятном развитии ситуации – до 82,5 лет у мужчин и 88,5 лет у женщин.

¹ Численность постоянного населения – мужчин, по возрасту на 1 января [Эл. ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>; Численность постоянного населения – женщин, по возрасту на 1 января [Эл. ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>.

² Демографический прогноз до 2035 года [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

Наконец, общий коэффициент миграционного прироста при низком варианте снижается до 1,3‰, при среднем увеличивается до 2,5‰, а при высоком – до 3,7‰.

Результаты и их обсуждение

В таблице 2 представлена предполагаемая динамика численности основных социально-экономических групп населения России (в скобках их доля во всем населении страны).

Таблица 2. Численность и доля основных социально-экономических групп населения России в 2018–2051 гг. (на начало года), тыс. чел. (%)

Год	Вариант прогноза				
	самый плохой	низкий	вероятный	высокий	супероптимистичный
<i>Население моложе трудоспособного возраста</i>					
2018	27380,3 (18,6)	27407,3 (18,7)	27443,1 (18,7)	27482,6 (18,7)	27487,9 (18,7)
2019	27716,6 (18,9)	27764,3 (18,9)	27855,5 (18,9)	27925,1 (18,9)	27940,7 (18,9)
2020	27927,8 (19,0)	28000,6 (19,1)	28153,5 (19,1)	28260,9 (19,1)	28301,3 (19,1)
2021	28049,7 (19,1)	28151,6 (19,2)	28372,0 (19,3)	28538,3 (19,3)	28612,4 (19,3)
2022	28108,3 (19,2)	28243,1 (19,3)	28540,9 (19,4)	28795,3 (19,4)	28897,7 (19,5)
2023	28103,3 (19,3)	28274,6 (19,3)	28663,4 (19,5)	29033,2 (19,6)	29154,3 (19,6)
2024	27907,9 (19,2)	28119,0 (19,3)	28615,2 (19,4)	29121,1 (19,6)	29256,1 (19,7)
2025	27560,8 (19,0)	27815,0 (19,1)	28429,4 (19,3)	29094,9 (19,6)	29235,4 (19,6)
2026	27152,6 (18,8)	27457,1 (19,0)	28204,6 (19,2)	29044,5 (19,5)	29186,2 (19,6)
2035	20989,0 (15,3)	21975,7 (15,9)	23947,6 (16,6)	26183,0 (17,5)	26712,3 (17,7)
2036	20457,1 (15,0)	21526,2 (15,6)	23641,4 (16,4)	25989,3 (17,4)	26589,6 (17,6)
2037	20002,0 (14,8)	21155,5 (15,4)	23423,2 (16,3)	25867,7 (17,3)	26531,9 (17,5)
2038	19619,8 (14,6)	20860,3 (15,3)	23285,8 (16,2)	25807,0 (17,2)	26539,2 (17,5)
2039	19305,4 (14,5)	20636,0 (15,2)	23221,0 (16,2)	25796,7 (17,2)	26609,7 (17,5)
2040	19052,3 (14,4)	20476,2 (15,2)	23223,8 (16,2)	25837,9 (17,2)	26735,2 (17,5)
2041	18852,5 (14,4)	20373,0 (15,2)	23287,1 (16,3)	25920,8 (17,2)	26919,2 (17,6)
2042	18696,7 (14,4)	20312,9 (15,3)	23393,3 (16,4)	26042,2 (17,3)	27144,3 (17,7)
2049	17973,9 (14,7)	20230,9 (16,0)	24865,1 (17,5)	27969,5 (18,3)	29547,9 (18,8)
2050	17807,4 (14,7)	20153,1 (16,0)	25033,0 (17,7)	28268,9 (18,4)	29868,2 (18,9)
2051	17609,4 (14,7)	20037,6 (16,1)	25157,0 (17,8)	28546,8 (18,6)	30153,9 (19,0)
<i>Население в трудоспособном возрасте</i>					
2018	82127,8 (55,9)	82142,7 (55,9)	82210,1 (55,9)	82301,4 (55,9)	82305,6 (55,9)
2019	81218,2	81240,9 (55,3)	81359,5 (55,3)	81509,5 (55,3)	81517,4 (55,3)
2020	80440,3 (55,8)	80471,1 (55,8)	80650,5 (55,7)	80865,5 (55,7)	80878,3 (55,7)
2024	77960,0 (53,6)	78025,0 (53,5)	78522,7 (53,3)	79044,8 (53,2)	79083,8 (53,1)
2025	77682,8 (53,6)	77757,0 (53,5)	78351,8 (53,3)	78961,4 (53,1)	79008,8 (53,0)

Окончание табл. 2

Год	Вариант прогноза				
	самый плохой	низкий	вероятный	высокий	супероптимистичный
2026	77340,7 (53,6)	77423,9 (53,5)	78120,4 (53,2)	78820,2 (53,0)	78876,7 (52,8)
2027	77060,1 (53,7)	77152,8 (53,5)	77956,9 (53,1)	78750,4 (52,9)	78816,9 (52,7)
2028	76893,3 (53,8)	76995,5 (53,6)	77913,5 (53,2)	78804,5 (52,9)	78881,8 (52,7)
2029	76830,0 (54,1)	76941,7 (53,8)	77979,3 (53,3)	78971,9 (52,9)	79060,6 (52,8)
2030	76726,5 (54,3)	76847,7 (54,0)	78009,2 (53,5)	79105,6 (53,0)	79206,1 (52,8)
2033	76134,1 (54,9)	76293,5 (54,4)	77842,4 (53,6)	79259,9 (53,0)	79397,3 (52,7)
2034	75818,4 (55,0)	76002,9 (54,5)	77701,5 (53,7)	79239,6 (53,0)	79395,9 (52,6)
2035	75417,8 (55,1)	75631,8 (54,6)	77506,6 (53,6)	79166,7 (52,9)	79347,3 (52,5)
2036	74830,4 (55,0)	75077,6 (54,5)	77129,8 (53,4)	78915,5 (52,7)	79135,8 (52,3)
2037	74249,9 (55,0)	74534,6 (54,4)	76769,8 (53,3)	78703,0 (52,5)	78973,1 (52,1)
2038	73557,7 (54,9)	73883,4 (54,3)	76308,1 (53,1)	78416,5 (52,3)	78731,4 (51,8)
2039	72704,6 (54,7)	73073,8 (54,0)	75695,4 (52,7)	78004,2 (52,0)	78353,7 (51,4)
2049	62348,4 (51,0)	63421,8 (50,1)	68248,7 (48,1)	73073,0 (47,8)	73818,4 (46,9)
2050	61636,0 (50,9)	62809,8 (50,0)	67898,3 (47,9)	72975,0 (47,6)	73804,6 (46,7)
2051	60975,0 (50,8)	62254,5 (49,9)	67622,8 (47,7)	72945,9 (47,5)	73869,3 (46,5)
<i>Население старше трудоспособного возраста</i>					
2018	37310.7 (25,4)	37342.5 (25,4)	37373.4 (25,4)	37406.8 (25,4)	37420.2 (25,4)
2019	37877.8 (25,8)	37927.5 (25,8)	37992.7 (25,8)	38052.8 (25,8)	38079.5 (25,8)
2020	38340.0 (26,1)	38409.0 (26,1)	38520.3 (26,1)	38612.7 (26,1)	38657.2 (26,1)
2021	38819.9 (26,5)	38909.6 (26,5)	39079.0 (26,5)	39209.0 (26,5)	39275.9 (26,5)
2049	41964.7 (34,3)	42971.2 (33,9)	48792.4 (34,4)	51796.0 (33,9)	54116.2 (34,4)
2050	41670.4 (34,4)	42711.6 (34,0)	48832.4 (34,4)	51992.6 (33,9)	54442.8 (34,4)
2051	41340.5 (34,5)	42415.3 (34,0)	48841.2 (34,5)	52160.2 (33,9)	54744.3 (34,5)

Источник: данные автора.

Численность группы моложе трудоспособного возраста будет увеличиваться до 2022–2024 гг., после чего начнется спад, который продлится до 2037–2040 гг., а при самом неблагоприятном варианте – и до 2050 г. На 1 января 2051 г. численность и доля населения моложе трудоспособного возраста будут выше текущего значения только при реализации высокого и супероптимистичного вариантов.

Самый плохой, низкий и вероятный варианты прогноза предполагают снижение численности населения в трудоспособном возрасте на протяжении почти всего рассматриваемого периода. Согласно высокому и супероптимистичному вариантам численность этой группы будет снижаться до 2027 г. К 2033 г.

планируется рост, но ее доля практически не изменится. Тем не менее на 1 января 2051 г. численность этой группы снизится.

Численность населения в возрасте старше трудоспособного из-за низкой рождаемости и роста продолжительности жизни увеличивается при всех вариантах прогноза. При этом различия по доле данной группы во всем населении будут незначительными.

Возникающие при этом проблемы можно разделить условно на три основные группы: социальные, экономические и демографические. Демографические последствия нас интересуют в меньшей степени, но упомянем наиболее важные из них, в частности, снижение численности женщин в репродуктивном возрасте, что отрицательно повлияет на рождаемость, которая снизится к 2033 г. на 5,6–9,4% (7,7% при вероятном варианте), а к 2051 г. – на 7,8–24,6% (16,5% при вероятном варианте). Также проблемой может стать изменение национального состава населения из-за различий в демографическом поведении. Наконец, снижение численности населения может стать причиной привлечения дополнительного числа мигрантов для решения демографических проблем.

Среди социальных проблем основная – это старение населения, что приведет к дополнительной нагрузке на пенсионную систему, здравоохранение и др. Численность отдельных групп (детей в дошкольном возрасте, школьников, лиц призывного возраста, студентов и прочих) снижается при реализации вероятного варианта, но не постоянными темпами, а в виде волны, что необходимо учитывать при разработке и реализации социальной политики и мер, направленных на поддержание безопасности страны. Важной проблемой является увеличение продолжительности жизни при отсутствии соответствующей инфраструктуры.

Среди экономических проблем выделим три наиболее важные: влияние на экономическое развитие, уровень жизни населения и воспроизводство человеческого потенциала изменения численности разных групп населения.

По мнению специалистов, в стране уже сейчас наблюдается дефицит трудовых ресурсов [Ивантер и др., 2013]. Из таблицы 2 видно, что после снижения с середины 2020-х гг. в течение примерно 10–12 лет численность населения в трудоспособном возрасте будет относительно стабильной, а детей, которые вступят в трудоспособный возраст позже, – относительно высокой. После 2035–2036 гг. начнется понижательная фаза волны, поэтому все

предложения по модернизации отечественной экономики и ее переводу на цифровые рельсы необходимо успеть реализовать до середины 2030-х гг.

Компенсировать снижение числа занятых и волнообразную динамику этого показателя можно за счет резервов как населения трудоспособного возраста, так и тех, кто недавно вышел на пенсию.

Так, среди значительного числа работников (например, шахтеры и сотрудники силовых ведомств), имеющих право на получение пенсии задолго до наступления пенсионного возраста, не все продолжают трудовую деятельность. Аналогичная ситуация и в отношении получателей пенсии по инвалидности, которым зачастую сложно найти работу. Эти и подобные группы населения представляют собой значительный резерв, который можно более активно привлекать к трудовой деятельности.

Отдельно надо сказать о матерях с детьми дошкольного возраста. Непродуманная социальная политика привела к огромному дефициту мест в дошкольных образовательных организациях и практически полной ликвидации сети яслей. Очередь в детские сады росла даже при увеличении числа мест в них [Синица, 2017]. Сложности с устройством детей в ясли и детские сады ведут к сложностям с трудоустройством женщин и ухудшению их положения на рынке труда.

Число детей в дошкольном возрасте из-за снижения абсолютного числа рождений уже через 3–4 года начнет падать, и это продлится до середины 2030-х гг. при всех вариантах, кроме самого неблагоприятного, при котором снижение замедлится, но потом снова продолжится, хотя и несколько более низкими темпами. Тем не менее, по нашим оценкам, при сохранении нынешних темпов ввода мест в дошкольных образовательных организациях их дефицит сохранится до конца 2020-х гг. И даже при развитии частных детских садов, создании института сертифицированных нянь и более активном включении школ в процесс ухода за детьми в дошкольном возрасте дефицит мест сохранится еще 5–6 лет. Следовательно, если государство планирует включение женщин с детьми в производственную деятельность вне дома, необходимы строительство новых детских садов и воссоздание института яслей. Это поможет привлечь не менее 1–1,5 млн дополнительных работников, которые будут платить налоги и делать отчисления в социальные фонды.

Что касается населения старше трудоспособного возраста, то в этой группе рост экономической активности обеспечивают главным образом «молодые» пенсионеры [Сонина и др., 2015]. Это неудивительно, поскольку выходящие в настоящее время на пенсию когорты вполне адаптировались к современным условиям и могут работать вне дома, а отношение в обществе к их занятости положительное [Никонова, 2007]. Отчасти это связано с улучшением медицинского обслуживания по сравнению с 1990-ми гг., а отчасти – с тем, что пенсия по старости в последние годы составляла всего около 30% от средней заработной платы. Численность этой группы населения будет увеличиваться, что позволит в некоторой степени компенсировать снижение численности населения в трудоспособном возрасте. Тем не менее с начала 2040-х годов и этого ресурса будет не хватать в связи с прогнозируемым дальнейшим сокращением трудоспособного населения. Ситуация начнет стабилизироваться лишь ближе к середине 2050-х гг. В любом случае поддержка занятости пожилых является важным условием успешного экономического развития [Римашевская и др., 2013].

Изменение возрастной структуры населения окажет сильное влияние на потребление. Покажем это на примере рынка продуктов питания. На основе положений федерального закона от 03.12.2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», в котором представлены законодательно зафиксированные минимальные нормы потребления продуктов питания, рассчитана прогнозируемая потребность в них в 2033 г. (середина интервала) и 2050 г. (конец интервала) и изменение потребления относительно 2015 г. при разных вариантах динамики численности населения России (табл. 3).

Данные таблицы показывают волнообразную динамику численности населения моложе трудоспособного возраста, так как в 2050 г. вероятный прогноз отмечает лучший результат по сравнению с 2033 г., но потребление зависит от варианта прогноза. Потребление населения в трудоспособном возрасте снижается, а старше трудоспособного – растет. В этой связи роль геронто-маркетинга, направленного на изучение потребностей населения предпенсионного и пенсионного возрастов, особенностей их спроса и потребления, разработку подходов к предоставлению им товаров и услуг и формирование лояльности данной группы потребителей, будет расти.

Таблица 3. Изменение потребности в продуктах питания среди разных групп населения в 2033 г. и 2050 г. относительно 2015 г.,%

Вариант прогноза	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
2033			
Самый низкий	-14,6	-10,4	+13,4
Низкий	-11,2	-10,2	+14,6
Вероятный	-4,4	-8,3	+19,8
Высокий	+3,6	-6,6	+22,6
Супероптимистичный	+5,3	-6,4	+24,5
2050			
Самый низкий	-31,1	-27,7	+16,7
Низкий	-21,8	-26,3	+19,6
Вероятный	-2,3	-20,1	+37,3
Высокий	+10,4	-14,0	+46,4
Супероптимистичный	+16,8	-12,9	+53,5

Источник: расчеты автора.

Увеличение численности пожилых при поддержании платежеспособного спроса этой группы потребует увеличения расходов на предоставление пенсии по старости. На 1 января 2016 г. их получали 35555 тыс. чел., средний размер такой пенсии – 12080,9 руб.³ Следовательно, на выплату пенсий по старости в месяц было необходимо 429,5 млрд руб. Дополнительные расходы на пенсионное обеспечение по старости по сравнению с текущим периодом в перспективе приведены в таблице 4.

Таблица 4. Дополнительные затраты в месяц на пенсионное обеспечение по старости в 2033 г. и 2050 г. при разных вариантах изменения численности населения по сравнению с 2015 г., млрд руб.

Вариант прогноза	2033	2050
Самый плохой	58,0	71,9
Низкий	63,1	84,7
Вероятный	85,4	160,5
Высокий	97,2	200,0
Супероптимистичный	105,4	230,0

Источник: расчеты автора.

³ Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров (по состоянию на 1 января). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm

К 2033 г. расходы на пенсионное обеспечение по старости в месяц увеличатся на 13,5–24,5%, к 2050 г. – на 16,7–53,5%. Согласно вероятному варианту прогноза рост составит 19,9% в первом случае и 37,4% – во втором.

За 2011–2016 гг. в среднем пособие по беременности и родам составило 50053,76 руб.⁴, а среднее число рождений за год – 1894421⁵. Следовательно, за год на пособия в среднем расходовалось 94,8 млрд руб. (7,9 млрд руб. в месяц). Для дальнейших расчетов мы допускаем, что все женщины берут отпуск по беременности и родам; рождаемость на протяжении года происходит равномерно; все рождения оплачиваются в этот же год (на следующий не переносятся); младенческой смертностью пренебрегаем, так как пособие зависит от того, находится ли мать в отпуске по беременности и родам или работает; в период отпуска по беременности и родам мать не находится в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет (табл. 5).

Таблица 5. Экономия средств в месяц на пособие по беременности и родам в 2033 г. и 2050 г. при разных вариантах изменения численности населения по сравнению с 2015 г., млрд руб.

Вариант прогноза	2033	2050
Самый плохой	3,1	4,0
Низкий	2,7	3,2
Вероятный	2,1	1,5
Высокий	1,5	0,4
Супероптимистичный	1,2	-0,7

Источник: расчеты автора.

К 2033 г. расходы на пособие по беременности и родам сократятся на 15,1–39,8%. К 2050 г. сокращение составит 4,5–50,1%, а при реализации наиболее благоприятного варианта рост расходов составит 0,7%. Согласно вероятному варианту снижение составит 26,3% в первом случае и 19,0% – во втором.

За 2010–2016 гг. пособие по беременности и родам составляло около 80% от пособия по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, которое выплачивалось гражданам, подлежащим

⁴ Израсходовано средств за отчетный период Фондом социального страхования. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40595>

⁵ Рождаемость, смертность и естественный прирост. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls

обязательному социальному страхованию⁶. Это означает, что в 2033 г. максимальная экономия от этих двух пособий не превысит 7–8 млрд руб. в месяц, а в 2050 г. – 5–6 млрд руб. Если сравнить эти суммы с дополнительными затратами на выплату пенсий по старости, то максимальная экономия составит 10–12%. По нашим оценкам, максимальная экономия от всех пособий на детей не превысит 15–20% от дополнительных затрат на пенсию по старости, а в реальности – 10–15%. При высоких вариантах прогноза экономия будет минимальной или даже отсутствовать. Следовательно, несмотря на необходимость повышения пенсии по старости для поддержания спроса населения в возрасте старше трудоспособного, сделать это будет крайне трудно. При этом нагрузка на трудоспособное население возрастет очень сильно.

И все же вопрос о повышении возраста выхода на пенсию возможно рассматривать только при дальнейшем снижении смертности и повышении продолжительности жизни (в первую очередь у мужчин), улучшении качества социального обслуживания пожилых и доступности дошкольных образовательных организаций. Два последних условия очень важны, так как «молодые» пожилые выполняют важную работу по присмотру за внуками и «старыми» пожилыми, позволяя своим детям сохранять занятость в условиях нехватки мест в детских садах, а родителям – получать общение и уход с учетом индивидуальных потребностей. Динамика численности этой группы имеет волнообразную структуру, что в некоторые годы будет в значительной степени смягчать для экономики негативные последствия отсутствия инфраструктуры по уходу за детьми и стариками.

Из таблицы 6 видно, что рост демографической нагрузки (на 1000 населения в трудоспособном возрасте) на население в трудоспособном возрасте тоже является важной проблемой. В 1990 г. коэффициент составлял 759, что близко к уровню 2017 г. – 764, но в трудоспособный возраст готовились вступить многочисленные поколения 1980-х годов рождения, тогда как на пенсию выходили менее многочисленные военные поколения. В сочетании с низкой рождаемостью 1990-х гг. это привело к сильному снижению значения коэффициента демографической

⁶ Израсходовано средств за отчетный период Фондом социального страхования. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40595>.

нагрузки. Наиболее низкие значения были отмечены на начало 2005–2007 гг. Последующий рост связан с вхождением в трудоспособный возраст очень малочисленных поколений 1990-х годов рождения при росте рождаемости в 2000-х годах.

Таблица 6. Коэффициент демографической нагрузки на население в трудоспособном возрасте в России в 1990–2051 гг. (на начало года)

Год	Нагрузка	Год	Нагрузка	Год	Нагрузка
1990	759	1995	760	2009	598
1991	764	2005	596	2010	613
1992	768	2006	589	2015	712
1993	771	2007	586	2016	740
1994	767	2008	591	2017	764
	<i>Вариант прогноза</i>				
	Самый плохой	Низкий	Вероятный	Высокий	Супероптимистичный
2018	788	788	788	788	789
2019	808	809	809	809	810
2023	860	864	868	871	874
2024	865	869	875	879	882
2025	865	869	877	883	887
2026	865	871	881	888	893
2027	863	870	882	892	896
2028	858	866	880	892	897
2029	850	859	875	889	895
2030	842	852	871	886	894
2031	836	847	869	887	895
2032	828	841	866	885	895
2033	822	837	864	885	897
2034	818	833	864	887	900
2035	815	832	865	889	904
2036	817	835	871	897	913
2037	818	838	877	903	921
2038	822	843	885	912	931
2039	830	852	897	924	945
2049	961	997	1079	1092	1133
2050	965	1001	1088	1100	1142
2051	967	1003	1094	1106	1149

Источник: данные Росстата и автора.

По всем вариантам прогноза после 2017 г. демографическая нагрузка будет увеличиваться до 2022 г. Затем вхождение

в трудоспособный возраст более многочисленных поколений 2000-х гг. позволит на время скомпенсировать негативные тенденции, а в неблагоприятных вариантах – даже немного снизить демографическую нагрузку. Однако после 2038 г. рост нагрузки, связанный с выходом на пенсию поколений 1980-х гг. рождения и эхом низкой рождаемости 1990-х гг., начнет оказывать все большее влияние. Из таблицы 2 следует, что рост демографической нагрузки связан преимущественно со старением населения (в первую очередь увеличением продолжительности жизни), и лишь в благоприятных вариантах к концу периода роль детей в увеличении нагрузки тоже будет заметна. Увеличение демографической нагрузки до 1000 и выше для всех вариантов, кроме самого неблагоприятного, означает серьезную экономическую нагрузку на население в трудоспособном возрасте, что с большой вероятностью приведет к значительному снижению уровня жизни. В первую очередь это коснется пожилых, которые будут вынуждены ограничить потребление, что приведет к сокращению внутреннего рынка.

Несмотря на старение населения, вклад только демографического фактора в увеличение реальных расходов на здравоохранение на период до 2030 г. будет минимальным (0,9 и 3,2% при разных вариантах) из-за благоприятной возрастной структуры населения [Авксентьев, 2017. С. 70–71]. Более низкое значение в первом варианте связано с увеличением продолжительности здоровой жизни.

В благоприятных вариантах прогноза до 2050 г. рост численности населения в значительной степени определяется увеличением продолжительности жизни. Без существенных инвестиций в систему здравоохранения повысить продолжительность здоровой жизни не получится, а пожилое население требует повышенных расходов на поддержание здоровья. В связи с этим демографический фактор, связанный со старением населения, будет играть заметную роль при реализации благоприятных вариантов демографического прогноза, но уже после 2030 г., так как эти варианты предполагают значительное увеличение продолжительности жизни. В случае реализации низких вариантов прогноза расходы на здравоохранение возрастут в меньшем объеме, тем не менее рост превысит 5–7%. Насколько увеличатся расходы на здравоохранение к 2050 г., сказать невозможно из-за отсутствия у нас большого массива данных для построения возрастных коэффициентов заболеваемости

по причинам болезни, но можно предполагать, что из-за изменения возрастной структуры рост составит не менее 10–30%. При этом понижательная фаза волны приведет к тому, что он будет наиболее значительным в 2040-х гг., когда численность населения в трудоспособном возрасте будет особенно низкой.

В условиях волнообразной динамики численности населения моложе трудоспособного возраста планирование числа мест в образовательных организациях всех уровней, начиная с дошкольного, приобретает особую актуальность. Это позволит сгладить влияние изменения возрастной структуры на численность занятых, управлять структурой выпуска специалистов разных профессий и оптимизировать затраты на образование с учетом происходящих изменений.

Из таблицы 2 видно, что наибольшей численность детей и студентов будет до 2025–2030 гг. и ближе к 2050 г. (при благоприятных вариантах прогноза). Следовательно, в этот период различные альтернативные формы предоставления услуг по уходу за детьми и их образованию (семейные детские сады, частные учебные организации, группы продленного дня в школе и кратковременного пребывания в детских садах, обучение через Интернет и т.д.) должны развиваться наиболее активно, так как они помогут скомпенсировать нехватку мест в государственной системе образования. При снижении численности населения в трудоспособном возрасте и числа детей именно на альтернативную систему ляжет основная нагрузка, поскольку она общедоступна и имеет широкий охват.

Очень скоро с проблемой нехватки мест может столкнуться и средняя школа. В этой связи рекомендации по строительству зданий детских садов с возможностью их перепрофилирования в школы и обратно и созданию мобильных объектов, используемых непродолжительное время, которые можно легко переместить в другой регион [Долгов и др., 2013; Долгов и др., 2014], являются удачными как с социальной, так и экономической точек зрения.

Выводы и рекомендации для государственной политики

Какие меры в нынешних условиях наиболее актуальны? На наш взгляд, можно выделить пять групп направлений.

С *медицинской* точки зрения наиболее важными являются развитие сети медицинских организаций и информационная политика в данной сфере. Это необходимо для компенсации возрастающих нагрузок на организм, снижения смертности, оздоровления образа жизни и создания у всего населения положительного отношения к профилактическим мероприятиям.

С *демографической* точки зрения важнейшим направлением является повышение рождаемости хотя бы до уровня простого воспроизводства. Также важно снизить смертность от предотвратимых причин в первую очередь у населения в трудоспособном возрасте. Привлечение мигрантов и предоставление им гражданства России оправданно далеко не всегда, поскольку ведет к социальной напряженности и снижению безопасности страны.

С *социальной* точки зрения наиболее важными направлениями являются привлечение целевых групп мигрантов (например, молодежи, желающей после окончания учебы остаться жить и работать в России), их интеграция в принимающее общество и развитие социальной инфраструктуры для получения возможности безболезненно для общества повышать возраст выхода на пенсию, а также реализация мер, направленных на формирование положительного отношения к пожилым людям и их потребностям. Такие меры позволят снизить социальную нагрузку на общество из-за изменения долей основных групп населения.

С *экономической* точки зрения главные усилия должны быть направлены на развитие гибких форм занятости, самозанятости и инфраструктуры, которая помогает достичь этого (в первую очередь сети дошкольных образовательных организаций), трудосберегающих технологий и автоматизации производства, а также начальной профессиональной ориентации в школе (кружков и секций в сфере передовых технологий, связанных с биологией, программированием, робототехникой, авиамоделированием и аналогичных). Важное значение имеет и дальнейшее создание условий для привлечения к трудовой деятельности пенсионеров.

С точки зрения *информационного обеспечения проводимой политики* необходимы сбор и публикация большего числа показателей социально-экономической статистики, увязка целей, методов и средств разных программных документов между собой и регулярное повышение квалификации госслужащих как часть

их профессионального стандарта. Это позволит поднять в стране качество управления социально-экономическими процессами.

Литература

Авксентьев В. А. Прогноз расходов на здравоохранение в России до 2030 года // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1 (35). С. 63–76.

Аврашков П. П., Коськин А. В., Фролов А. И. и др. Моделирование влияния демографических волн на характеристики структуры кадровых ресурсов высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 1 (46). С. 40–44.

Долгов А. В., Сычева Е. Б. Методика проектирования и расчета сети дошкольных организаций в условиях демографической нестабильности // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2013. № 4. С. 60–64.

Долгов А. В., Сычева Е. Б. Особенности формирования фонда дошкольных объектов в условиях демографической динамики // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2014. № 4. С. 53–55.

Ивантер В. В., Фелтс Э., Квинт В. Л. и др. Как будет развиваться экономика России? // Инновации. 2013. № 1 (171). С. 3–12.

Калабихина И. Е. Демографическая волна рождений и будущие колебания численности населения в разных возрастных группах: вызовы для социальной политики // Экономические стратегии. 2015. Т. 17, № 2 (128). С. 50–57.

Калабихина И. Е. Пути повышения эффективности современной демографической политики в России // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 58–60.

Карнов В. П., Гаврилова Н. Ю. Демографическая волна тюменского индустриального взрыва // Вестник СурГУ. 2013. № 1 (1). С. 75–78.

Кваша А. Я. О демографических кризисах и катастрофах // Вопросы статистики. 1996. № 8. С. 58–60.

Кваша А. Я. Общие тенденции развития населения России // Вопросы статистики. 1995. № 2. С. 53–58.

Никонова Э. И. Место и роль пожилых людей в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3. С. 76–81.

Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г. Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. № 3. С. 20–26.

Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (13). С. 154–186.

Рыбаковский Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 49–60.

Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 21–30.

Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002. 128 с.

Синица А. Л. Динамика долей групп детей дошкольного возраста в регионах РФ // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8, № 20. С. 55–75. doi: 10.19181/viz.2017.20.1.445

Сонина Ю. В., Колосницына М. Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 2. С. 37–53. doi: 10.17323/demreview.v2i2.1781

Турчин П. В. Вековые волны в исторической демографии // Природа. 2003. № 6 (1054). С. 3–12.

Хорев Б. С. Демографическая катастрофа в России // Известия РГО. 1995. Т. 127, № 2. С. 49–56.

Bubnova E. M. Demographic Waves and Labor Resources // Problems in Economics. 1986. Vol. 29. № 3. P. 61–68.

Kirk D. Demographic Trends in Europe // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1949. Vol. 262. P. 45–55.

Sternlieb G., Hughes J. W. The demographic long wave: population trends and economic growth. Economic development quarterly. 1987. Vol. 1. № 4. P. 307–322.

Статья поступила 07.12.2017.

Summary

Sinitsa A. L., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Economic Consequences of the Age Distribution of the Population of Russia under the Demographic Wave

The change of the shares of the main socio-economic groups of the population adversely affects the economic development of the country. The purpose of the article is to investigate these changes in the conditions of the demographic wave. To do this the official statistics and the demographic forecast until 2050 are used. Figures show that the number and share of the working-age population will decrease, those of the elderly will increase, and those of children may both decline and increase. This will lead to a reduction in the number of employee and further increase of employment of the elderly, a very large demographic burden, a decline in living standards and a decline in the domestic market volume.

Age distribution of population; economic development; demographic wave; main socio-economic groups of population; demographic forecast

References

Avksentev V. A. (2017). Health expenditure forecast in Russia up to 2030. *Nauchnoissledovatel'skii finansovyi institute. Finansovyi zhurnal [Financial research institute. Financial journal]*. No. 1. Pp. 63–76. (In Russ.).

Avrashkov P. P., Kos'kin A. V., Frolov A. I. et al. (2013). The simulation of university entrants requirement s lowering on the characteristics of the higher education staffing structure. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1. Pp. 40–44. (In Russ.).

Bubnova E. M. (1986). Demographic waves and labor resources. *Problems in economics*. Vol. 29. No. 3. Pp. 61–68.

Dolgov A. V., Sycheva E. B. (2013). Methods of engineering and designing of the preschool organizations network under the demographic instability. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN [Academic bulletin of UralNIIProekt RAASN]*. No. 4. Pp. 60–64.

Dolgov A. V., Sycheva E. B. (2014). Peculiarities of the preschool facilities fun formation under the demographic dynamics. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN [Academic bulletin of UralNIIProekt RAASN]*. No. 4. Pp. 53–55. (In Russ.).

Ivanter V. V., Felps E., Kvint V. L. et al. (2013). How will Russia's economy develop? *Innovatsii [Innovations]*. No. 1. Pp. 3–12. (In Russ.).

Kalabikhina I. E. (2015). The demographic wave of births and future population fluctuations in different age groups: challenges for social policy. *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*. Vol. 17. No. 2. Pp. 50–57. (In Russ.).

Kalabikhina I. E. (2009). The way of intensification of modern demographic policy in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Herald of the Moscow university of the Ministry of internal affairs]*. No. 9. Pp. 58–60. (In Russ.).

Karpov V. P., Gavrilova N. Yu. (2013). Demographic wave of the Tyumen industrial burst. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta [Surgut State University Journal]*. No. 1. Pp. 75–78. (In Russ.).

Khorev B. S. (1995). Demographic disaster in Russia. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian geographical society]*. Vol. 127. No. 2. Pp. 49–56. (In Russ.).

Kirk D. (1949). Demographic trends in Europe. *The annals of the American academy of political and social science*. Vol. 262. Pp. 45–55.

Kvasha A. Ya. (1995). General tendencies of the population development in Russia. *Voprosy statistiki*. No. 2. Pp. 53–58. (In Russ.).

Kvasha A. Ya. (1996). On demographic crises and disasters. *Voprosy statistiki*. No. 8. Pp. 58–60. (In Russ.).

Nikonova E. I. (2007). The position and the role of elderly people in contemporary Russian society. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]*. No. 3. Pp. 76–81. (In Russ.).

Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G. (2013). Older generation as a resource for modernization of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. No. 3. Pp. 20–26. (In Russ.).

Rybakovskii L. L. (2003). Demographic security. *Bezopasnost' Evrazii [Security of Eurasia]*. No. 3. Pp. 154–186. (In Russ.).

Rybakovskii L. L. (2012). Demographic challenges: what does await Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*. No. 8. Pp. 49–60. (In Russ.).

Rybakovskii L. L. (2014). Russia's demographic future in extrapolation and normative coordinates. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*. No. 12. Pp. 21–30. (In Russ.).

Senchagov V. K. (2002). *Ekonomicheskaya bezopasnost': geopolitika, globalizatsiya, samosokhranenie i razvitie*. Moscow, Finstatinform Publ., 128 p.

Sinita A. L. (2017). Dynamic of preschool children groups in the regions of Russia. *Vestnik Instituta sotsiologii*. No. 20. Pp. 55–74. (In Russ.). Doi: 10.19181/vis.2017.20.1.445

Sonina Yu. V., Kolosnitsyna M. G. (2015). Pensioners on the Russian labour market: trends of economic activity in pension age. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]*. Vol. 2. No. 2. Pp. 37–53. (In Russ.). Doi: 10.17323/demreview.v2i2.1781

Sternlieb G., Hughes J. W. (1987). The demographic long wave: population trends and economic growth. *Economic development quarterly*. Vol. 1. No. 4. Pp. 307–322.

Turchin P. V. (2003). Secular waves in historical demography. *Priroda [Nature]*. No. 6. Pp. 3–12. (In Russ.).